

УДК 008

## ПОНИМАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ

*Если это – свет,  
то я –  
за конец света.*

**Е. Ф. Казаков,**  
*кузбасский поэт и культуролог*

**Марков Виктор Иванович**, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Статья рассматривает различные методологические подходы к пониманию мотиваций, движущих участниками современных террористических движений. Особое внимание уделено попытке рассмотреть эти проблемы в рамках чисто психологического подхода, связанного с поисками новой идентичности в глобальном мире, как она изложена в книге Ф. М. Мохаддама «Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию». Признавая необходимость в анализе истоков терроризма учитывать и психологическую составляющую, автор считает более важным не столько особенности восприятия, сколько учет реальных черт негативного образа современного «цивилизованного» мира, вызывающих отторжение от него представителей традиционного сознания и образа жизни.

С этой точки зрения представляется более фундаментальным подход, рассматривающий наиболее глубинные истоки и мотивации терроризма в плане противостояния традиционной культуры и современной, преимущественно западной по содержанию, культуры, переходящей, как утверждают некоторые, от индустриального к постиндустриальному этапу. Однако вряд ли такую постановку проблемы стоит рассматривать в устаревшей парадигме монолинейной эволюции, как восхождение от архаики к прогрессу, что предполагает отмирание традиции и подавление ее «восстания» против цивилизации. Реальные негативные черты этого современного мира и его противопоставление традиции можно рассматривать и как черты его кризиса. Тогда перспективы преодоления мотивационных основ современного терроризма выглядят в совсем другой перспективе.

**Ключевые слова:** методология, терроризм, психологизм, однолинейная и многолинейная эволюция, идентичность, традиционное и современное общество, кризис цивилизации.

## UNDERSTANDING THE MODERN TERRORISM: A SEARCH FOR METHODOLOGY

*Markov Viktor Ivanovich*, Dr of Culturology, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

The article examines the different methodological approaches to understanding the motivations of modern terrorist motions participants. The special attention is spared to an attempt to consider these problems within the framework of pure psychological approach, related to the searches of new identity in the global world, as it is expounded in the book of F.M. Mokhaddama "From Terrorists Point of View: What They Experience and Why They Come to Destroy." Acknowledging the necessity for the analysis of sources of terrorism to take into account a psychological constituent, the author considers more important not as much features of perception, but to take in account of the real lines of negative appearance of the modern "civilized" world, which provokes tearing away the representatives of traditional consciousness and way of life.

From this standpoint, a more fundamental approach that considers the deepest origins and motivations of terrorism in terms of the confrontation between traditional culture and modern, mostly Western in content, culture, passing, according to some, from industrial to postindustrial stages. However, it is unlikely that such a problem should be considered in an outdated paradigm of monilinia evolution as the ascent from archaic to progressive, which implies the withering away of tradition and suppression of "revolt" against the civilization. The real negative traits of this modern world and its juxtaposition of traditions can be seen as aspects of this crisis. Then prospects for overcoming the motivational foundations of modern terrorism look in a very different perspective

**Keywords:** methodology, terrorism, psychologism, monilinia and alternative evolution, identity, traditional and modern society, crisis of civilization.

Цель данной статьи – заострить некоторые вопросы, связанные с поиском методологических оснований понимания истоков современного терроризма, террористического психоза, охватившего планету на рубеже XX–XXI веков. Несмотря на представительную гамму различных направлений такого поиска, рассмотренную, в частности, в монографии В. Ф. Антипенко [1] в целом он, по мысли автора, пока не демонстрирует выхода из традиционных закостенелых установок, не всегда адекватных реальным проблемам. Поэтому обсуждение этих методологических проблем может стать затравкой для интересной дискуссии.

Однако непосредственный повод для написания настоящих заметок – привлечь внимание научной общественности к любопытной переводной книге, ставящей проблему терроризма не в обычном, объяснительном ракурсе, а в плане понимания [2]. Понимания внутренних механизмов, как социальных, социально-политических, так и собственно психологических, формирующих у значительной части активного населения огромного региона (автор ориентирован, в основном, на Ближний Восток) тенденцию все большего по-

степенного вовлечения в террористическую деятельность, подъема по «лестнице терроризма», как ее называет автор. Кстати, он сам по истокам является иранцем, изучал Иран как психолог пять лет, сразу после революции 1978–1979 годов, и претендует на то, чтобы говорить от имени шиитской ветви исламского населения. Кроме того, как он сам утверждает, он работал с исламскими беженцами и исламскими группировками, боровшимися с Советской армией в Афганистане. И это придает дополнительную значимость его работе. Хотя надежды на взгляд «изнутри» вряд ли оправдываются. Ф. М. Мохаддам не очень долго был непосредственно связан с Ираном, давно вжился в западный образ жизни и мышления, получил там образование, а методологически полностью основывается на установках западной психологической науки. В целом его субъективная позиция представляется двойственной. Своей книгой он пытается вскрыть некоторые, и не только психологические, истоки ближневосточного терроризма, плохо видимые с западной точки зрения. Но обращается он все-таки к западному читателю (и политикам), пытаясь открыть ему глаза на

эти особенности и научить, подсказать, как можно все-таки преодолеть кризисную ситуацию. И в концовке книги он прямо формулирует свои советы по формированию стратегии именно западных стран [2, с. 249]. Таким образом, автор как бы пытается находиться одновременно по обе стороны баррикад в этом противостоянии Запада и терроризма. И это не взгляд с точки зрения террористов, а попытка интерпретации этой точки зрения для Запада. Хотя некоторая апологетика шиизма явно прослеживается в ряде разделов его книги. В частности Ф. М. Мохаддам уверяет, что некоторые черты шиитских практик, которые он называет «контекстуальной демократией» (некий аналог российского тезиса о «суверенной демократии», то есть построенной не по образцу западных ее моделей), могут стать искомым выходом из тупиков терроризма [2, с. 228].

Итак, обратимся в качестве примера современного методологического поиска к означенной книге Ф. М. Мохаддама. В целом он основывается на прозападном, либеральном видении современного мира. И это особо отмечает переводчик текста, призывая критично относиться к тексту автора [2, с. 136]. Недовольство людей Востока он связывает с тем, что они живут, скорее, в психологическом, воображаемом, чем в актуальном/реальном мире [2, с. 105]. А реальный мир для него – это мир современного глобализма. Западную культуру с ее развитым индивидуализмом он позиционирует как «нашу» и пытается призвать к преодолению такого взгляда для понимания терроризма [2, с. 153]. То есть речь, все-таки, с самого начала идет о психологическом «переводе» террористических устремлений и понятий для западного человека.

С методологической точки зрения автор справедливо высказывает сомнение, насколько оправдана материалистическая рационалистическая точка зрения при понимании терроризма. Можно ли представлять его только в плане максимизации выгод и прибыли определенных групп? Ведь в своей борьбе террористы спокойно разрушают материальные ресурсы собственного существования [2, с. 53]. Но в противоположность такому подходу он бросается в чистый психологизм, связывая основы проблемы с тем, что «группы меньшинств, такие, как исламские сообщества,

сталкиваются с угрозами подавления импортируемыми культурными системами их идентичности... Действительно, такие группы озабочены проблемой положительной оценки себя» [2, с. 59]. В принципе это давно знакомые по культурологической литературе тезисы, только выраженные не совсем адекватным проблематике психологическим языком, который сводит все к самооценке. В дальнейшем автор настаивает: «...ответ, который даю я, имеет отношение к психологическому ядру человеческой личности – это идентичность, наша концепция/представление о том, каким типом личности мы являемся и как оцениваемся» [2, с. 66]. Впрочем, к чести автора, надо сказать, что он ставит эти вопросы не только на индивидуальном, но и на коллективном, социально-психологическом уровне: «К какому типу группы я принадлежу? Ценят ли мою группу? Прислушиваются ли к мнению моей группы? Стоит ли чего-нибудь моя группа?» [2, с. 87]. Но даже в такой форме от этих формулировок за версту пахнет западным взглядом на мир и себя в нем. А далее эти позиции прямо формулируются в названии раздела «Главенство психологического» [2, с. 88]. Эта постановка вопроса применяется автором и для мира в целом, когда он удивляется, что жители Запада не ощущают себя наиболее счастливыми, хотя объективно живут все лучше. Дело, по его мнению, в том, что вопросы «счастья и безопасности – это примеры восприятий и переживаний, которые в большой степени зависят от субъективных, психологических интерпретаций» [2, с. 106].

Суть подхода автора изложена, пожалуй, наиболее четко в следующих тезисах: «...по сравнению с объективными условиями жизни, включая бедность и низкий уровень образования, терроризм получает более понятное объяснение при помощи восприятий человеком своей депривации, чувств, возникающих от несправедливого обращения и субъективного понимания и интерпретации несправедливости» [2, с. 89]. Правда, при этом он делает оговорку, что не отрицает совсем роль материальных условий жизни, а лишь подчеркивает разрыв между ними и субъективным восприятием жизненного опыта [2, с. 89]. Итог подводится автором в разделе «Контекстуальная демократия как решение проблемы терроризма». По его идее необходима поддержка Западом по-

добного развития событий, оживления светской оппозиции закоснелого режима, но в рамках особой формы «контекстуальной демократии», основанной на местных, преимущественно шиитских традициях.

Вряд ли можно отрицать, что такой взгляд на проблему терроризма имеет право на жизнь. И, возможно, помог бы в перспективе решить некоторые ее аспекты. Но подчеркнутый психологизм автора, тем более заданный в западной парадигме, явно контрастирует с реальными масштабами явления. Представить, что массы террористов действительно озабочены, прежде всего, вопросами идентичности, проблемой «кто мы?», можно только в рамках западного академического дискурса. С другой стороны, предлагаемое Ф. М. Мохаддамом решение в виде «контекстуальной демократии» носит тоже явно частичный, элитарный характер. Именно местные элиты с удовольствием воспримут поворот к такой светской демократии с опорой на Запад. Именно они получают шанс на повышение своего социального, да и материального статуса. И не ее ли взгляды и ожидания представляет в данном случае Ф. М. Мохаддам? А терроризм-то – массовое явление, и вряд ли можно ожидать, что крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники так уж сразу переменяют свой взгляд на мироустройство, его несправедливость, с негативного на позитивный в результате прихода такой демократии. Достаточно основательно опровергает такой наивный взгляд на многочисленных практических примерах крупнейший российский специалист по Ближнему Востоку Е. Я. Сатановский в своей новой книге «Котел с неприятностями. Ближний Восток для “чайников”» [3].

Кроме того, надо учитывать и тот факт, что терроризм не есть чисто локальное явление, связанное только, и исключительно, с Ближним Востоком. Его масштабы почти планетарны, а значит и корни надо искать в более широком масштабе. Анализ должен соответствовать этим масштабам. И, наконец, с позиций Ф. М. Мохаддама, совершенно непонятен довольно значительный приток в ряды террористов из Европы, России, Украины, причем не только уроженцев азиатских стран.

И все же... В постановке вопроса в данной книге есть свой смысл, если не сводить все к узко психологическим толкованиям в русле фрейдиз-

ма и других психологических течений. По сути дела автор призывает рассмотреть: «А как виден современный “цивилизованный” мир с точки зрения этих самых потенциальных и уже реальных террористов»? Это вопрос об образе преимущественно западного мира, поскольку пока что еще «современное» и означает преимущественно «западное». Но сам этот мир Ф. М. Мохаддамом критически анализируется совершенно недостаточно, хотя бы потому, что в принятой им парадигме главное – это восприятие. А реальные, материальные и психологические основы этого восприятия как бы отходят на второй план.

Прагматически это понятно. Ведь автор, по сути, позиционирует себя в роли советника западных держав, а тогда гораздо проще ставить вопрос об изменении всей мощью современных СМИ образа мира, чем менять в чем-либо сам этот мир. Но это, действительно, прагматический, а, значит, в перспективе – близорукий взгляд. А ведь проблема может быть поставлена и в другом ракурсе: «Каковы реальные специфические черты современной цивилизации, которые дают материал для такого негативного взгляда на нее?».

Тогда фактически одной из глубинных мотиваций современного терроризма, можно считать отторжение от тех особенностей современного западного (и принятого под его влиянием) прогресса, которые представляются дикими и противостественными традиционному сознанию. Это отторжение используется, как неоднократно упоминалось в прессе, самими идеологами терроризма для вербовки новых сторонников. Достаточно показать, используя сами западные СМИ, вакханалию гейпарадов, пропаганду однополых браков, кварталы с клетками животных для зоофилов, набирающие силу партии в защиту педофилии, откровенные эротико-порнографические сцены из западных фильмов и т. д. Да и наши «Пусси райот» вполне пригодятся для таких целей. И тысячи новых сторонников террористических организаций берут в руки оружие, чтобы уничтожить такой прогресс. При этом интересно отметить, что ведь собственно ничего нового в этом нет. В самих традиционных обществах всегда все это было. Но не в таких масштабах и именно как греховные, маргинальные явления. А буйство подобных феноменов всегда было характерно только как сопутствующий фактор и индикатор над-

вигающейся гибели данной цивилизации. Будь то поздний Рим, Греция, Поздняя Византия, «блестящая Португа» в период своего заката и т. д.

Показательно, что отторжение подобных процессов происходит и в самой Европе. Во Франции не прекращаются демонстрации против официального признания однополых браков, намечается диалог между Православной церковью и Ватиканом по поводу сохранения традиционно-религиозных ценностей.

Тогда может прав А. Я. Флиер, утверждая, что глубинной основой современного терроризма является противодействие традиционных обществ современному индустриальному и постиндустриальному обществу? И речь идет о «конфликте между разными социальными типами культуры – индустриальном (переходящем в постиндустриальный) и традиционном» [4, с. 24]. Возможно, это действительно глубокое прозрение. Вопрос только, в какой перспективе такое противостояние рассматривать. Удивляет, что в этой работе А. Я. Флиер неожиданно отвергает все, им же ранее написанное об устарелости идеи однонаправленной эволюции, об альтернативности и многообразии культурного развития человечества. Фактически эта его работа основана на действительно устаревшей парадигме однонаправленной эволюции от архаичной, крестьянской, по сути, традиционности к светлому прогрессивному постиндустриальному будущему. Но ведь возможен и другой взгляд. Согласно которому традиционное – это нормативное и естественное для человечества, позволявшее и позволяющее ему при всех изменениях сохранять основы бытия и оставаться именно человечеством. Вопрос спорный, ценностный в основе и не могущий быть разрешенным в чисто интеллектуальном дискурсе. Хотя и на этом поприще можно привести в качестве аргументации бесчисленное море работ, посвященных критике подобного европоцентризма и такого по-

нимания прогресса. Более близко к теме укажем на интереснейшую книгу Чхан До Джун «23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм» [5]. Критикуя с позиций, близких к кейнсианству, всю идеологию монетаризма и Чикагской школы, современному неолиберализму в экономике, автор заодно прекрасно показывает нелепость и идеологичность всех разговоров о постиндустриальном обществе, которое может существовать лишь как надстройка над обществом индустриальным [5, с. 59, 219, 298]. Еще более важно для нашей темы то, что он развивает тезис о периферийном капитализме, который как раз не изживает, как толкуется в примитивном прогрессизме, а, наоборот, нуждается и поддерживает сохранение традиционности и даже архаики, необходимых для его существования. И тоже существует как надстройка над этим морем древности. Тогда надежды на изживание традиционных обществ и скорую победу над их «восстанием» вряд ли осуществимы [4, с. 24].

Итоговое разрешение спора может дать только длительная история. Но есть, видимо, и объективная, чисто этико-биологическая база для аргументации в пользу сохранения неких основ традиционности. Разрушение традиционных этических основ общества всегда и везде вело и ведет к распаду семьи, следствием чего, в свою очередь, является падение рождаемости и... вымирание данного социума. Демографические проблемы подобного рода сейчас, при привлечении внимания к этому аспекту проблемы, оказались свойственными и предыдущим кризисам великих цивилизаций. И «эксцессы» такого типа прогресса в «цивилизованном мире» не только вызывают восстание «неконкурентноспособных маргиналов», но и свидетельствуют о том, что не все благополучно в самом этом мире, порвавшем связь времен. Что ставит под сомнение рецепты «простых решений» проблемы терроризма.

#### Литература

1. Антипенко В. Ф. Международная криминология: опыт исследования терроризма: моногр. – Одесса: Феникс, 2011. – 356 с.
2. Мохаддам Ф. М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / пер. В. А. Соснина. – М.: Форум, 2011. – 288 с.
3. Сатановский Е. Я. Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». – М.: Э, 2016. – 576 с.
4. Флиер А. Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С.19–25.
5. Чхан Ха Джун. 23 тайны: что вам не расскажут про капитализм / пер. с англ. Е. Кисленковой. – М.: АСТ, 2014. – 314 с.

## References

1. Antipenko V.F. *Mezhdunarodnaya kriminologiya: opyt issledovaniya terrorizma. Monografiya [International criminology: a study of terrorism. Monograph]*. Odessa, Feniks Publ., 2011. 356 p. (In Russ.).
2. Mokhaddam F.M. *Terrorizm s tochki zreniya terroristov: chto oni perezhivayut i dumayut i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu [From terrorists point of view: What They Experience and Why They Come to Destroy]*. Transl. V.A. Sosnina. Moscow, Forum Publ., 2011. 288 p. (In Russ.).
3. Satanovskiy E.Y. *Kotel s nepriyatnostyami. Blizhniy Vostok dlya "chaynikov" [A cauldron of trouble. Middle East for dummies]*. Moscow, E Publ., 2016. 576 p. (In Russ.).
4. Flier A.Ya. Kul'turnye osnovaniya nasiliya [Cultural roots of violence]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2012, no. 1, pp. 19-25. (In Russ.).
5. Chkhan Kha Dzhun. *23 tayny: chto vam ne rasskazhut pro kapitalizm [23 secrets: what they don't tell you about capitalism]*. Transl. E. Kislenkova. Moscow, AST Publ., 2014. 314 p. (In Russ.).